

ФІЛОСОФСЬКІ НАУКИ

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2020-9-85-1>

УДК 303.01

Кононова Я.В.

Национальный авиационный университет

К ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ БРУНО ЛАТУРА

Аннотация. Работы французского социолога и антрополога Бруно Латура направлены на определение фронтиров социологической мысли в современных условиях смещения интерпретационных рамок, обусловленного критикой антропоцентризма; конвенционализацией парадигмы, которую часто определяют как конструктивистскую; появлением разнородных, часто противоречивых тенденций, связанных с “новым материализмом” и “новым эмпиризмом”. Возникает необходимость в задании концептуального горизонта, в отношении которого можно было бы прояснить значение программных заявлений Латура и оценить продуктивность предложенного им инструментария. В статье предложена философская критика ключевых представлений теории Бруно Латура посредством их обсуждения в контексте кантовской проблематики опыта в ее трансценденталистской редакции.

Ключевые слова: реляционная онтология, критика, сверхкритика, трансцендентальный аргумент, эмпиризм.

Kononova Yana

National Aviation University

THE TRANSCENDENTAL SOLUTION PROBLEMATIZATION IN BRUNO LATOUR'S CONCEPTION

Summary. Recent research prospects at the cutting edge set the tone for contemporary discussions and stimulate the emergence of post-anthropocentric humanities. The works of the French sociologist and anthropologist Bruno Latour are aimed at overcoming the exhaustion of theoretical “reservoirs” and finding new horizons of sociological thinking in contemporary conditions of interpretative frameworks shifting caused by criticism of anthropocentrism; conventionalizations of the paradigm, which is often defined as constructivist; the emergence of diverse, often contradictory trends associated with ‘new materialism’ and ‘new empiricism’. Today, there are following prospects for Latour's conception consideration: from the point of view of its contribution to the development of Science and Technology Studies, in terms of Turn to the Material, Pragmatic Turn, Nonhuman Turn, Ontological Turn and of the other “turns” in humanities of the late XX – early XXI century. These research orientations are focused on particular problems and do not pretend to represent the general logic of the sociological theory development, while Latour's ambitious claim is to revise the theory as such, that is, its basic ontological settings. Supporters of the Actor-Network Theory, whose ideologist is Bruno Latour, see their task in a fundamental revision of very optics and the vocabulary of the discipline. There is a requirement to define a conceptual horizon, in relation to which it would be possible to clarify the meaning of Latour's policy statements and evaluate the productivity of his proposed tools. On the one hand, such a horizon can be proposed by modern authors of philosophical ‘speculative realism’, which opened up the possibilities for the reception of Latour's ideas in philosophy. On the other hand, the very possibility of such a reception is explained by the opposition of Latour's thought to the heirs of Kant's “Copernican Turn”, on which, according to modern authors, in a significant part of sociology and philosophy consensus is based. The article offers a philosophical criticism of Latour's conception through its discussion in the context of the Kantian problem of experience in its transcendental edition.

Keywords: relational ontology, criticism, beyond criticism, transcendental argument, empiricism.

Постановка проблемы. Работы французского социолога, антрополога Бруно Латура, направлены на преодоление исчерпанности теоретических “резервуаров” и поиск новых горизонтов социологического мышления в современных условиях смещения интерпретационных рамок, обусловленного критикой антропоцентризма; конвенционализацией парадигмы, которую часто определяют как интерпретативную или конструктивистскую; появлением разнородных, часто противоречивых тенденций, связанных с “новым материализмом” и “новым эмпиризмом”. Проблема заключается в дефиците подходов к оценке теоретико-методологического потенциала концепции Бруно Латура, которая

предполагает необходимость рефлексии о самом социологическом теоретизировании и его оснований, ведущей к изменению представлений о предметной области социологии и содержания теоретических моделей.

Анализ последних исследований и публикаций. Сегодня в выборе концептуальной перспективы доминируют интерпретации латуровской концепции с точки зрения её вклада в развитие междисциплинарных исследований науки и технологии (Science and Technology Studies, STS) – В. Синглтон, А. Молл, М. Акринч, Н. Альбертсен, Н. Иванова, Ю. Моркина, И. Полонская; с точки зрения материального поворота в социологии (Turn to the material) – Д. Пелс,

К. Хезерингтон, Ф. Ванденберге, Р. Харре, К. Кнорр-Цетина, Д. Кул, С. Фрост, Д. ЛаКапра, Я. Годдер, М. Фрейзер, С. Кембер, В. Вахштайн, А. Кузнецов; прагматического поворота (The Pragmatic Turn) – О. Хархордин, В. Волков; поворота к “не-человеческому” (The Nonhuman Turn) – Е. Доманская, Ф. Ванденберге; поворота к сложности (The Complexity Turn) – Б. Кастеллани; семиотического поворота – И. Напреенко, Р. Хорстакер; онтологического поворота – А. Эскобар, Н. Костенко, С. Астахов, О. Столярова, а также других поворотов в социологии конца XX – начала XXI в.

Нерешенный аспект проблемы. Данные фокусы исследований сосредоточены вокруг той или иной проблематики и не претендуют на то, чтобы представлять общую логику развития дисциплины, тогда как амбициозной заявкой Латура является пересмотр “теории как таковой”, то есть ее базовых онтологических установок для построения теории нового типа.

Возникает необходимость в определении концептуального горизонта, в отношении которого можно было бы прояснить значение программных заявлений Латура и оценить продуктивность предложенного им инструментария. С одной стороны, такой горизонт может быть предложен современными авторами философского спекулятивного реализма, – например, Грэмом Харманом, открывшим возможности для рецепции ANT в философии. С другой стороны, сама возможность такой рецепции объясняется противостоянием Латурской мысли наследникам коперниканского поворота Канта, на который, по мнению современных авторов, опираются консенсусы в значительной части социологии и философии.

Цель статьи. Целью работы является философская критика концепции Латура посредством ее обсуждения в контексте кантовской проблематики конечности в ее трансценденталистской редакции.

Изложение основного материала.

Почему “выдохлась” критика? В одноименной статье Бруно Латур заявляет, что прежняя методология критики должна быть демонтирована как “недостаточно критически изготовленное оружие” [1]. “Я попытаюсь показать, – пишет учёный, – что критический разум, чтобы обновить себя и снова стать актуальным, должен непреклонно культивировать реалистическую установку – выражаясь языком Уильяма Джеймса. Но данный реализм должен иметь дело не с фактами, а с проблемами (*matters of concern*). Ошибка, которую совершили мы все, и я в том числе, – это вера в то, что единственный эффективный способ критиковать факты состоит в том, чтобы отказаться от них и обратить все свое внимание на условия их возможности. Но это предполагает слишком некротичное определение фактов. Мы слишком сильно держались за неудачное решение, доставшееся нам в наследство от философии Канта” [1].

Итак, реалистическая установка предполагает, во-первых, отказ трактовать реальность с позиций научного реализма или, по Латуру, “первого эмпиризма”, – т.е. с помощью фактов, и, во-вторых, отказ от кантовской модели, за-

дающей предварительное описание опыта посредством его априорных условий. Оба подхода представляются Латуру нерелевантными для описания реального, а не возможного опыта.

Недостаточную критичность двух полюсов мышления о реальности со “сверхкритических” позиций, как их определяет Латур, можно трактовать следующим образом: в первом, эмпирико-догматическом случае опыт рассматривается как простой факт, который имеет место в некоем более общем контексте, который сам от этого факта не зависит. Во втором случае, критическая теория – как теория онтологических условий – поглощает эмпирическую данность, стирая её в пользу того или иного априоризма условий, которыми определяется возможность любого опыта. И в том, и в другом случае наблюдается рассогласование между декларируемой целью и используемыми средствами.

При этом общим ядром недостаточной критичности, как будет продемонстрировано далее, является “полнота” как структурная характеристика исследовательской оптики двух обсуждаемых подходов. В эмпирико-догматическом случае – это представление объекта в качестве самостоятельной реальной, непосредственно-феноменальной данной сущности (что предполагает исследование его посредством процедур, направленных, как в естествознании, на материал природы, выделение его свойств и качеств, фиксирование их в знаниях и понятиях); но это также и полнота первичных (геометрических) качеств, которые служат базовыми элементами для научных идеализаций. В трансцендентальной критике – это полнота априорных условий, которыми моделируется/замещается данность (опыт).

“Первый эмпиризм”. “Первый эмпиризм” руководствуется онтологическим допущением существования некоего общего контекста, предшествующего человеческому познанию. Принципиальная познаваемость действительности является условием научной практики – мир открыт, но над доступом к нему необходимо поработать, поскольку сами средства познания несовершенны. Научная практика представляет собой работу по созданию и постоянному усовершенствованию инструментов доступа к позитивно определяемой реальности. Натуралистическая позиция утверждает, что факты предшествуют всем нашим утверждениям о них, и ученые их “открывают”.

Такой точке зрения Латур противопоставляет “второй эмпиризм” – проблематическое описание вещей. Вещи, взятые в новом фокусе рассмотрения, предстают источниками контrovers. Понятие “проблема” (*matter of concern*) должно заменить понятие “факт” (*matter of fact*). Латур пишет: “Вот что я всегда считал таким вдохновляющим в исследованиях науки. Пока они не возникли, обсуждение верности границы между “природой” и “обществом”, которое вели философы, социологи и политологи, всегда иллюстрировалось скучными, рутинными, тысячелетним “фактами”, таким как камни, ковры, кружки и молотки, которыми, возможно, уже пользовался неандерталец. <...> Дискуссия становится плодотворной, когда объект представляет собой не “факт”, но то, что я склонен определять как

“проблему”. Пока вокруг их высокой неопределенности и спорности развернуты диспуты, эти совершенно реальные, объективные, нетипичные и, прежде всего, интересные агенты реальности предстают, скорее, даже не как объекты, но как собрания” [2, р. 114].

“Первый эмпиризм”, с точки зрения Латура, является не только догматическим способом описания опыта, но и специфической формой идеализма, – замыканием научного реализма в категориальных ловушках идеалистической философии, которыми чаще всего выступают геометрические абстракции. “Существовать как часть среди других частей внутри изотопического пространства, изобретавшегося на протяжении всей истории геометрии, натюрморты и технических чертежей – не то же самое, что существовать в качестве вещи, которой приходится сопротивляться разрушению и распаду. Очевидно? Да, конечно. Но тогда почему мы часто действуем так, как если бы материя сама по себе была составлена из частей, которые ведут себя подобно своим чертежам, словно они обитают в безвременной неизменной реальности геометрии?” [3, с. 268]. Основную проблему Латур видит в том, что “Материализм в тот короткий период, когда его могли использовать в качестве прекращающей любую дискуссию фигуры речи, неявно подразумевал, как выясняется сейчас в ретроспективе, довольно-таки идеалистическое определение материи и ее функций” [3, с. 266].

Фиктивная полнота трансцендентальной модели. Трансцендентальная критика начинается с концептуализации опыта как ситуации “конечности” – т.е. неполной и недостоверной данности любого эмпирического содержания в любом конечном отношении к нему. Но в результате трансцендентального моделирования эмпирическая “конечность” замещается “полным” планом онтологического фундирования [4, с. 28]. Полон же он в том смысле, что дальнейшее продвижение в выяснении трансцендентальных условий представляется невозможным, поскольку существует их предельное ограничение, т.е. фактически полнота трансцендентальных условий является фиктивной. Deskриптивный уровень априорных условий опыта, во-первых, выписывается в соответствии с обычными метафизическими требованиями универсальности, и, во-вторых, он выступает, своего рода, “восстановлением” бесконечности на уровне конечного существа: в фиктивной полноте онтологических условий можно увидеть ту симуляцию бесконечного, которое “отныне, благодаря этой симуляции, закрыто” [5, с. 90].

“Сверхкритика”. На радикализацию границ этой ситуации и нацелены программные лозунги Латура, смысл которых сводится к компрометированию трансцендентальной модели (ТМ) как недостаточно предельной. Но deskриптивный уровень онтологических условий опыта далее не проблематизируется в рамках самой ТМ – этот запрет является структурным эффектом самой ТМ. Кроме того, если принять во внимание, что под вопрос ставится сама критическая парадигма, то возникает задача в нахождении такого способа ее радикализации ее границ, который бы отличался от собственно критического.

Такая задача решается различными авторами обнаружением скрытых, встроенных в саму теоретическую модель трансцендентальной критики имманентных конфликтов, демонстрация которых указывает на ее недостаточную предельность (например, фиктивную полноту матрицы априорных условий) или же в критической установке обнаруживаются две конфликтующие позиции: позиция, постулирующая необходимость в автономии, избегающая отсылки к любым, внешним к ней догматическим предпосылкам, и позиция, предполагающая необходимость в универсализации критической установки, задания ее извне в качестве завершённого и полного описания. Как результат такого пересмотра, концептуальные следствия конфликта двух теоретических “полосов”, некритически “склеенных” в трансцендентальном способе аргументации, демонстрируются в различных формах.

Этот ход рассуждений характерен и для исследовательской программы Бруно Латура. Его “сверхкритические” позиции связаны с построением пространства некоторой качественной “избыточности” – именно это имеет в виду Латур, когда задаётся вопросом о возможности новой критики: “Что было бы с критикой, если бы она могла ассоциироваться с большим, а не с меньшим, с умножением, а не с вычитанием умалением?” [1].

В итоге же, пространство аргументации выстраивается как пространство некоторой “негативной избыточности”: с одной стороны, оно основывается на введении того, что является “большим” в качественном отношении к критикуемой теоретической модели. Но это “большее” – негативно, поскольку просто указывает на невозможность ТМ исполнить собственные предписания. В методологическом отношении, такая избыточность строится как “негативная диалектика” или же “оппозиция без оппозитонера”. Она избегает всех классических способов противопоставления (например, апелляции к “основаниям”, которая бы поясняла недостаточную критичность/предельность каким-либо изначальным фактором). Жёсткость такой “оппозиции” заключается в том, что радикализация позиций оппонентов осуществляется не за счёт введения противоположной позиции, но за счёт её отсутствия. Результат – выпады оппонентов всегда обращаются против них самих. Негативная избыточность сверхкритической оптики не даёт никакого позитивного приращения знания и, в этом смысле, не представляет какой-либо теоретической новации. Аргументация Латура направлена, скорее, на расшатывание и ослабление связей ТМ, при этом жёсткость отношений между её конститутивными элементами переводится из статуса необходимости в статус структурных эффектов несостоятельности. Слабость же негативной диалектики заключается в том, что “опровергая утверждения через них самих, она достигает немногого. Ее результат – нуль, отрицательное: утвердительно еще не встречается в ней” [6]. Именно поэтому, как замечают интерпретаторы, латуровская концепция сталкивается с трудностью определения критериев своего собственного неуспеха, “с невыносимой легкостью прикладываясь к любым сферам человеческой деятельности в диапазоне от архи-

тектуры до экономики и медицины. Основатель ANT декларировал необходимость остановить пролиферацию гибридов, но вместо этого пролиферируют описания гибридов: и при этом все кейсы обладают пугающим сходством. Все явления социальной жизни предстают как гетерогенные сети» [7, с. 50].

Однако, как будет показано ниже, целью компрометирующего метода Латура, несмотря на негативные (в методологическом отношении) результаты, является не столько критика ТМ, сколько выявление следов гетерогенности опыта, обнаружение теоретических возможностей для продуктивной концептуализации гетерогенности – на это, прежде всего, ориентирована исследовательская интуиция учёного. В этом свете усилия Латура могут быть истолкованы позитивно: демонстрация концептуальных следствий “провала” трансцендентальной критики связана с началом разработки принципиально иных трактовок опыта, подход к которому оказывается более сложным, чем проблематизация предельных оснований и моделирование априорных онтологических условий.

Более подробное рассмотрение “сверхкритической” аргументации будет предложено при исследовании методологического инструментария Латура – принципов ирредукции и симметрии.

Проблематизация трансцендентального решения в теории Латура. Необходимо рассмотреть подробнее те структурно значимые единицы, по отношению к которым вводится “сверхкритическая” оптика Латура. Можно выделить следующую аксиоматику ТМ:

1. Предельное ограничение онтологических условий.

2. Центрирующая инстанция, в функции которой входит связывание всего многообразия опыта.

3. Онтологическое различие (различие между содержанием опыта и его структурой).

Предельное ограничение онтологических условий. Трансцендентальная модель как попытка пересмотра докритического описания мира “как он есть” – это способ моделирования структуры данности того или иного эмпирического содержания. Такая теоретическая стратегия предполагает, что предварительное задание трансцендентальных условий – единственная форма описания данности, благодаря которой можно избежать обращения к ресурсам метафизического представления о мире или эмпирико-догматическим предпосылкам. Структура опыта не может быть предьявлена догматически (это невозможно в рамках критической парадигмы), поэтому трансцендентальная онтология обращается к модели *a priori* при задании онтологических условий, роль которых должна быть предельной [5, с. 136].

Но предельное ограничение онтологических условий, во-первых, восстанавливает логику предшествования – данность заранее “назначена” и только в таком режиме назначения она может быть концептуализирована [5, с. 136]. Опыт, в таком случае, интерпретируется как “опыт вообще” – структура, которая осуществляется всегда и везде, к чему бы она не прикладывалась. Во-вторых, предельность значит наложение запрета на какую-либо дальнейшую проблематизацию онтологических условий.

Центрирующая инстанция. Опорным пунктом трансцендентальной онтологии является позиция центрирующей инстанции, инстанции данности, определяющей аутентичную перспективу связывания (или прочтения) опыта. Эта привилегированная инстанция может быть описана различными способами: в эстетике Канта как “трансцендентальное единство апперцепции” [8], в фундаментальной онтологии Хайдеггера как “вот-бытие”, “дазайн” или “присутствие” [9]. “Агент бытия”, наделяющий мир подлинностью и единством не может выступать в качестве такого же сущего, как и любое другое эмпирическое сущее, встречающееся в опыте. Исходный тезис состоит в том, что именно эта инстанция или посредством неё организуется сама ситуация данности, которая требует выполнения определенных условий.

Исследовательская перспектива, заявленная проектом симметричной антропологии Бруно Латура, предполагает изменение пирамидальной метафоры видения реальности на горизонтальную, в рамках которой и разрабатывается его плоская/реляционная онтология. Примерами таких “плоских альтернатив” (*flat alternatives*) могут служить также новая социальная теория М. де Ланды [10], проект реляционной археологии Я. Годера [11] и др., характеризующиеся развитием идей о сконструированности сообществ людьми и “не-человеками”, симбиотических собраний, коллективов, ассоциаций, целостностей, многовидовых сообществ. Центральным пунктом таких онтологий является плюрализм “демократически экзистирующих” агентов реальности, т.е. сеть в данном случае не имеет “мирности” (в хайдеггеровском понимании).

Сама возможность уполноценения онтологии свидетельствует о невозможности исполнения ТМ собственных предписаний: предполагается, что выбор “ключевой экзистенции” необходим, чтобы гарантировать автономию критических позиций от любых внешних факторов, но этот выбор и отягощает трансцендентальную логику догматизмом (поскольку всегда можно заявить, что нам неизвестны другие сознания, кроме тех, что инкорпорированы в тела, или другие тексты, кроме тех, что существуют на известных языках).

Онтологическое различие. Согласно трансцендентальному способу рассуждения, содержание опыта не тождественно структуре опыта. В этом и состоит смысл проведения онтологического различия, в соответствии с которым содержание встречающегося в опыте отводится эмпирическим задачам частных наук. При этом структура опыта (данность), чтобы избежать её случайного или догматического описания, моделируется как матрица априорных онтологических условий. Полное проведение онтологического различия значило бы окончательное устранение эмпирического аспекта из такого представления данности. Благодаря этому и возникает возможность задать теоретические цели в строгом отличии от эмпирических задач частных наук: ничего эмпирического в данности данного остаться не должно, но именно это устраняет её конечность в пользу теории [12, с. 52].

Трансцендентальное решение, с одной стороны, стремится к тому, чтобы различие между конкретным эмпирическим содержанием и сетью

различий, которая его репрезентирует, было предельным; с другой стороны, такая предельность одновременно значит и признание этого различия фиктивным, поскольку способ дифференциации сети должен совпадать с тем, что в неё “вписывается”: нет никакого смысла оставлять за “претендентом” какой-либо автономной сущности.

Например, в семиотической модели парижской школы претендент на “становление реальностью” оказывается как-бы “склеен” с теми компетенциями, которые он должен выполнить, чтобы “вписаться” в сеть при прохождении всех этапов “воплощения”, переходя с одного парадигмального уровня организации значения на другой. Кроме того, в нарративной схеме любое “я”, которому отправитель высказывания делегирует свой голос – только дискурсивный эффект. Таким же генерируемым эффектом является и получатель высказывания, адресат нарратива, которому отправитель высказывания делегировал функцию публичности [7, с. 34].

Идеальная матрица онтологических условий должна содержать некий окончательный категориальный список, который отбирает всех кандидатов без исключения: существует строго определенное количество критериев выборки, которые уже не могут быть превышены; при этом любой претендент, в конечном счёте, может быть отбран и репрезентирован. Следствием такого идеального решения является то, что никакой кандидат вообще не может остаться “вне” той или иной системы заданных сетевых различий. Эту установку точно иллюстрирует высказывание: “последствия этого взгляда заключаются в том, что не существует познаваемой реальности, которая является не-лингвистической реальностью. Это не означает, что всё есть язык, но скорее то, что наука стала имманентной языку. Не существует места, где бы реальность могла бы спрятаться за пределами языка; этот взгляд представляет собой опровержение реалистической эпистемологии” [13, с. 14].

Тематизация парадоксов. Результатом “дискредитации” трансцендентального аргумента в “сверхкритической” оптике Латуре, становится демонстрация концептуальных следствий недостаточной критичности ТМ, т.е. невозможности исполнения своих базовых предписаний. Латур прибегает к различным способам демонстрации этих следствий, одним из которых является тематизация различных парадоксов. Из всех стратегий аргументации, эта, превращающая радикализацию аргумента в фирменный стиль теоретика, является наименее плодотворной. Тем не менее, она также требует рассмотрения.

Парадокс “критического всемогущества”. В своей программной статье “Почему критика выдохлась?” Б. Латур формулирует концепцию “сверхкритики” – такой исследовательской позиции, когда мы оказываемся не способными контролировать то, что нами же и произведено: “...можно рассмотреть ядерный реактор, размер которого меньше критического: введенная идея – это нейтрон, попадающий в реактор снаружи. Каждый такой нейтрон вызывает некое возмущение, в конце концов затихающее. Однако если реактор увеличить до достаточно большого размера, вызванное таким нейтроном возмуще-

ние, вероятно, будет продолжаться и возрастать до полного разрушения реактора. Существует ли подобный феномен для разумов, и возможен ли он в случае машины? Кажется, в случае человеческого разума такое возможно. Большинство их кажется “докритическими”, т.е. в нашей метафоре соответствуют реакторам, размер которых меньше критического. Когда такому разуму представлена идея, в ответ появляется в среднем менее одной идеи. Немногие из разумов – сверхкритические. Если такому сознанию предложить идею, то может возникнуть целая “теория”, состоящая из вторичных, третичных и более опосредованных идей. Сознание животных определенно кажется докритическим. Придерживаясь этой аналогии, мы задаемся вопросом: можно ли создать сверхкритическую машину?” [1].

Парадокс “критического всемогущества”, отсылающий к парадоксальной необходимости допущения критической установкой её собственной небезопасности, можно обобщить как парадокс Рассела. Использование понятия “множество всех множеств” апеллирует к теоретико-множественному парадоксу Б. Рассела, демонстрирующему противоречивость ранних попыток формализации теории множеств Г. Кантора. Формулируется парадокс следующим образом: пусть K – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли K само себя в качестве элемента? Если предположить, что содержит, то мы получаем противоречие с “не содержат себя в качестве своего элемента”. Если предположить, что K не содержит себя как элемент, то вновь возникает противоречие, ведь K – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента, а значит должно содержать все возможные элементы, включая и себя [14, с. 115].

“Насыщенное” описание вещей. Описывая две стратегии мыслить производство технических объектов и связанные с ними способы концептуализации материальности, Латур в работе “Насыщенные вещи” различает идеалистическую позицию, для которой создание частей как таковых и воспроизводство их геометрических изображений по чертежам совпадают и материалистическую, для которой эти два типа производства ясно разделены.

Первое определение, апеллирующее к классической модели референции, приводит к описанию, которое всегда “разреженно”; второе же ведет к “насыщенному” описанию вещей [3, с. 270]. Причём с идеалистических позиций (критикуемых Латуром) “насыщенный” способ описания вещей всегда выглядит абсурдным: “Почему этот материализм кажется нам, когда мы оборачиваемся назад, столь идеалистическим? Причины этого стали вполне ясны лишь благодаря некоторым комментариям к философии Альфреда Норта Уайтхеда. Под именем “материя” были объединены два совершенно различных концептуальных хода: во-первых, тот способ, которым мы продвигаемся к тому, чтобы получить в познании доступ к вещам, которые чрезвычайно удалены от нас или вовсе нам недоступны; во-вторых, способ, с помощью которого сами вещи делят свое существование. Мы можем отождествить материю с одним или с другим, но принятие обоих одновременно приводит к абсурду” [3, с. 267].

“Насыщенное описание” радикализует эмпирико-догматический понятийный аппарат, построенный на априорном различии первичных и вторичных качеств. Фиктивность такого различия, проблематизируемая Латуром, состоит в том, что с одной стороны, научная идеализация (геометризация объекта) стремится пренебречь тем, как “вещи делят себя сами” – сделать различие первичных и вторичных качеств фиктивным, постепенно устраняя вторичные качества как несущественные. С другой стороны, она оказывается зависимой от способа существования вещей, который только и гарантирует имплементацию этих идеализаций. “Вещи обладают специфическим свойством неделимости на первичные и вторичные качества, пишет Латур. – Они слишком реальны, чтобы быть представлениями, и слишком спорны, неопределенны, собирательны, изменчивы, вызывающи, чтобы играть роль неизменных, застывших, скучных первичных качеств, которыми раз и навсегда оснащён универсум” [15, с. 357].

“Двойная перспектива”. “Основное свойство объекта – отметить фантазии ученых”, – так в описании главного свойства объектов – возражать (*object*), противостоять силе, испытывающей их, Латур опирается на концепцию *Widerstandaviso*, предложенную методологом науки Людвигом Флеком [16]. Сложность работы учёного состоит в создании такой экспериментальной ситуации, в которой дала бы о себе знать сопротивляемость объекта. Латур использует метафору “подготовки сцены”, на которой, как в случае Пастера, “микробы сражались как черти в боях за приписывание каузальности” [17, р. 78].

На этот аргумент Латура обращает внимание Г. Харман: “Принцип несводимости, который предлагает Латур, учит нас, что ничто по сути своей не является ни сводимым, ни несводимым к чему-либо еще: всегда нужно потрудиться, чтобы установить связь, что является довольно рискованным предприятием. Тем самым Латур допускает разделение акторов и пытается продемонстрировать, что мы всегда можем возвести мосты между ними с помощью работы перевода. Так он становится основателем новаторской окказионалистской теории, в которой мосты всегда возводятся на конкретных местах. Как и окказионалисты до него, он рассматривает акторов по отдельности друг от друга, но в отличие от них считает, что местные отношения возможны. Игнорируя этот двуликий, подобно Янусу, принцип, просто невозможно понять Латура. Акторы определены их отношениями, но именно по данной причине они изолированы в микрокосме своих отношений, который длится только мгновение перед тем, как актор заменен на похожий. Чтобы связи между акторами возобновлялись или сохранялись, нужно постоянно осуществлять работу медиации. Множество парадоксов возникает из такой двойной перспективы, и именно они заслуживают того, чтобы быть тематизированными сегодня” [18, с. 39].

Термин “двойная перспектива” отсылает к структурной особенности предикации в задании сетевого элемента. Латуровская реляционная модель предполагает задание сетевого элемента через “градиент” распределения несводимых друг к другу способов концептуализации материальной агентности: способности вещи к “сопротивле-

нию всем нашим представлениям” и её определением через конфигурацию сетевых различий и отношений. Первый способ заявляет о том, что вещи избегают окончательной редукции к релятивистскому топу (социальной логике). Второй развивает семиотический инструментарий описания, согласно которому сетевой элемент получают свою идентичность исходя из системы отношений с другими сетевыми элементами.

Таким образом, сетевая онтология Латура организована парадоксальностью соединения теоретических фокусов, которые прежде, онтологизируясь, становились ядрами догматических программ – натуралистических и идеалистических, атомистских и релятивистских и т.д. Эту парадоксальность можно определить как обнаружение границ самого дискурсивного знания. Задание вещи через “градиент” распределения теоретических позиций является, с одной стороны, “дискредитацией” ТМ. С другой стороны, целью такой демонстрации концептуальных следствий “провала” ТМ, является выявление скрытых “следов” присутствия в трансцендентальном алгоритме гетерогенности, – в данном случае, как неустранимого характера перехода от одной из позиций к другой. Такая неустранимость связана с непоследовательностью каждой из позиций и свидетельствует о невозможности окончательной “редукции” опыта либо к критическому описанию, либо эмпирико-догматическому.

Негативность такого описания значит, что, в конечном счёте, от позитивной проблематизации гетерогенности нас продолжает “защищать” дискурсивная логика, на фоне которой гетерогенность может быть тематизирована только в качестве косвенных эффектов, свидетельствующих о имманентных конфликтах самой экономики дискурсивного знания.

Выводы и перспективы. Резюмируя, отметим следующее:

Предложено прочтение латуровской концепции как эпистемической парадигмы, ведущей к переосмыслению трансцендентального определения опыта и созданию эмпирической онтологии нового типа. Программной целью Латура является разработка “сверхкритического” инструментария, посредством которого: а) трансцендентальное решение “дискредитируется” как недостаточно предельное; б) проблематизируется гетерогенность опыта.

Конструирование реалистической установки, во-первых, предполагает отказ трактовать реальность в духе “первого эмпиризма” – т.е. с помощью фактов, и, во-вторых, реорганизацию кантовской модели, задающей предварительное описание опыта посредством разработки матрицы его априорных онтологических условий. Оба подхода представляются Латуру нерелевантными для концептуализации реального, а не возможного опыта;

Общей топикой “недостаточной критичности” двух подходов является “полнота” как структурная характеристика их исследовательской оптики. В эмпирико-догматическом случае – это представление предмета как фактической “непосредственности”; но это также и “полнота” первичных (геометрических) качеств, которые служат базовыми элементами для научных идеализаций. В случае трансцендентального метода – это фик-

тивная полнота априорных условий, которыми моделируется или замещается данность (опыт);

Предложена интерпретация стратегии Латура («сверхкритической») аргументации как ориентирующей на выявление эффектов гетерогенности. Изначально, «сверхкритические» позиции связываются с построением пространства качественной «избыточности», но в итоге латуровское пространство аргументации выстраивается как пространство негативности, – оно основывается на введении того, что является «большим» в качественном отношении к критикуемой теоретической модели. Но это «большее» – негативно, поскольку просто указывает на невозможность

ТМ исполнения собственных предписаний. В методологическом отношении, такая избыточность строится как негативная диалектика;

Негативная избыточность «сверхкритической» оптики не даёт никакого позитивного приращения знания и, в этом смысле, не представляет какой-либо теоретической новации. Аргументация Латура направлена, скорее, на расшатывание и ослабление связей в трансцендентальном способе аргументации, при этом жёсткость отношений между его конститутивными элементами переводится из статуса необходимости в статус структурных эффектов несостоятельности трансцендентальной критики.

Список литературы:

1. Латур Б. Почему критика выдохлась. *Художественный журнал*. 2015. № 93. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/2/article/7>
2. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, 2007. 328 p.
3. Латур Б. Извините, вы не могли вернуть нам материализм? *Логос*. 2014. № 4(100). С. 265–275.
4. Кралечкин Д., Ушаков А. *EuroOntology*. Москва, 2001. 257 с.
5. Кралечкин Д. Фундаментальное различие бытия и сущего как способ обоснования онтологии : дис. ... канд. филос. наук : 06.09.02. Москва, 2002. 142 с.
6. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. Киев, 1997. 560 с.
7. Напреенко И. Семiotический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*. 2013. № 1–2. С. 75–98.
8. Кралечкин Д. Спекулятивный абсолютизм и порочный круг философии Латура. *Censura*. URL: <http://www.censura.ru/articles/apresfinitude.htm>
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Санкт-Петербург, 1997. 451 с.
10. deLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London, 2006. 150 p.
11. Hodder I. Human-thing entanglement: towards an integrated archaeological perspective. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2011. Vol. 17. Is. 1. P. 154–177.
12. Кралечкин Д. Мейясу и экономика конечности. *Логос*. 2013. № 2(92). С. 44–69.
13. Hostaker R. Latour – Semiotics and Science Studies. *Science Studies*. 2005. Vol. 18. № 2. P. 5–25.
14. Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? Москва, 2004. 254 с.
15. Социология вещей / гл. ред. В. Вахштайн. Москва, 2006. С. 342–365.
16. Fleck L. *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago, 1979. 135 p.
17. Latour B. *The Pasteurization of France*. Cambridge, 1993. 273 p.
18. Харман Г. О замещающей причинности. *Логос*. 2014. № 4(100). С. 265–275.

References:

1. Latour, B. (2015). Pochemu kritika vydokhlas' [Why Has Critique Run Out of Steam?]. *Khudozhestvennyy zhurnal* [Moscow Art Magazine] (electronic journal), no. 93. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/2/article/7> (accessed 3 April 2020).
2. Latour, B. (2007). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.
3. Latour, B. (2014). Izvinite, vy ne mogli vernut' nam materialim? [Sorry, could you please return the materialism to us?]. *Logos*, vol. 100, no. 4, pp. 265–275.
4. Kralechkin, D., & Ushakov, A. (2001). *EuroOntology*. Moscow: Prometey. (in Russian)
5. Kralechkin, D. (2002). *Fundamental'noe razlichie bytiya i sushchego kak sposob obosnovaniya ontologii* [The fundamental difference between being and entity as a way to justify ontology] (PhD Thesis), Moscow: Lomonosov Moscow State University.
6. Rassel, B. (1997). *Chelovecheskoe poznanie. Ego sfery i granitsy* [Human cognition. Its spheres and borders]. Kiev: Nika tsentr. (in Russian)
7. Napreenko, I. (2013). *Semioticheskiy povорот v STS: teoriya referenta Bruno Latura* [The semiotic turn in STS: the Bruno Latour's referent theory]. *Sotsiologiya vlasti*, no. 1–2, pp. 75–98.
8. Kralechkin, D. (2009). *Spekulyativnyy absolyut i porochnyy krug filosofii Latura* [The speculative absolute and the vicious circle of philosophy]. *Censura*. Available at: <http://www.censura.ru/articles/apresfinitude.htm> (accessed 3 April 2020).
9. Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and time]. Sankt-Petersburg: Nauka. (in Russian)
10. deLanda, M. (2006). *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Bloomsbury Academic.
11. Hodder, I. (2011). Human-thing entanglement: towards an integrated archaeological perspective. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 17, is. 1, pp. 154–177.
12. Kralechkin, D. (2013). *Meiyasu i ekonomiya konechnosti* [Meillassoux and the correlationism economy]. *Logos*, vol. 92, no. 2, pp. 44–69.
13. Hostaker, R. (2005). Latour – Semiotics and Science Studies. *Science Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 5–25.
14. Kurant, R., & Robbins, G. (2004). *Chto takoe matematika?* [What is math?]. Moscow: MTsNMO. (in Russian)
15. Vakhshayn, V. (2006). *Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad "issledovaniy nauki" v obshchestvennyye nauki* [When things fight back: the possible contribution of "science research" to social sciences]. *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of things]. Moscow: Territoriya budushchego, pp. 342–365.
16. Fleck, L. (1979). *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Latour, B. (1993). *The Pasteurization of France*. Cambridge: Harvard University Press.
18. Harman, G. (2014). *O zameshchayushchey prichinnosti* [About substitute causality]. *Logos*, vol. 100, no. 4, pp. 265–275.